

Никона (Бессонова) в 1917 г. монастырь был преобразован в женский. 3 монахини и 5 послушниц во главе с 64-летней игуменьей Агнией начали приводить в порядок «крайне запущенный и грязный» монастырь, чье имущество было разворовано и распродано последним настоятелем, однако гражданская война и экспроприации помешали подъему монастырского хозяйства (АААКК. Ф. 594, оп. 1, д. 249, лл. 115–118).

В то же время сестры Знаменского монастыря г. Красноярска имели пасеку, кузницу, большие швейные мастерские, подворья в гг. Ачинске, Минусинске и Красноярске. Учащиеся двухклассной женской церковно-приходской школы при Енисейском Иверском монастыре под руководством мастериц-послушниц постигали искусство изящной вышивки, изготовления бумажных цветов, шляпок, кружев и т.д. Монастырь брал обширные частные заказы на пошив полотенец, постельного, столового и нательного белья (АААКК. Ф. 804, оп. 1, д. 24, лл. 5–7). Обитель имела белешвейные, швейные (изготовление монастырских одеяний и стежка одеял), чулочно-вязальные, золотошвейные мастерские, свечной завод, воскобелильню, пахотные земли. Послушницы работали хорошо и брали за свой труд небольшую компенсацию. Обширность и качество производимых работ связаны не только с необходимостью самостоятельно зарабатывать на нужды обители, но и с некоторыми особенностями женской психологии, отмеченными С.П.-овым, побывавшим в начале XX в. в Горичем женском монастыре: «В этом виновата любящая поновлять рука женщин... эта же рука создала из монастыря целую фабрику... Уж слишком много мещанского в уюте низеньких келий, и молитва, летящая отсюда к небу, кажется слащавой» (П-ов С.С. поездки в монастыри: Феррапонтов, Кирилов и Горичий // *Временник*. 1916. С. 90).

А.В. НЕКЛЮДОВА

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТОРГОВЛИ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.

Конец XIX–начало XX вв. стал новым этапом в развитии сибирской торговли. В торговую сферу втягивалось все большее количество городского населения, увеличивалось количество торговых заведений и их обороты. Поэтому, несомненно, разработка, корректировка и внедрение правовой основы торговой жизни являлись важным условием для развития торговли в восточно-сибирских городах.

Производство любых торговых действий в Восточно-Сибирском регионе обуславливалось лишь выборкой соответствующих роду и размерам деятельности промысловых свидетельств. Причем, промысловые свидетельства должны были быть выбираемы на каждое отдельное торговое заведение. Сложности в выборке торговых документов возникали лишь

у лиц, лишившихся по судебному приговору всех прав и имущества, в том числе и возможности свободно заниматься торговлей. Такое право ссыльнопоселенцы и сосланные в Сибирь на жительство получали только с разрешения губернатора или генерал-губернатора на основании ст. 291 II Т. II Ч. Свода законов, а ссыльные политические преступники только с разрешения министра внутренних дел. Как правило, такого рода прошения о разрешении вести торговую деятельность, за редким исключением, удовлетворялись.

Правительство на государственном уровне пыталось способствовать торговому развитию отдельных регионов, в том числе и Восточной Сибири. Например, еще во второй половине XIX в. Чите были дарованы следующие льготы: все лица свободного состояния могли приписываться к купцам, мещанам, ремесленникам и цеховым. Им давалась льгота от платежа гильдейских пошлин и государственных повинностей, поставки рекрутской и военного постоя в течение 10 лет. Каждому приписавшемуся в Чите давалось право производить свободный торг на неопределенную сумму в течение 10 лет, и, наконец, разрешалось торговать во всей Забайкальской области без уплаты гильдейских пошлин, но для этого необходимо было иметь в Чите контору или лавку, или же открыть фабрику или завод... (*Устав Торговый // Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 2. СПб., 1857. С. 30*). Однако такая правительственная политика не всегда носила целенаправленный характер, принятые благоприятствующие забайкальской торговле государственные решения часто соседствовали с откровенной бюрократической волокитой и взяточничеством.

Особенностью городов Восточной Сибири было участие в торговых операциях азиатских народов, особенно китайцев, которые, согласно ст. 2 Устава торгового, как и другие иностранцы, обладали равной с русскими подданными коммерческой правоспособностью. Количество таких торговцев в городах составляло несколько сотен и даже тысяч человек (*Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 25*). Однако не всегда иностранные торговцы занимались легальной деятельностью, сложно было вести контроль за качеством привезенного ими товара, поэтому местные власти принимали со своей стороны меры для выселения их из городов, причем, за счет российской казны. Иногда Китайские Посланники обращались в МИД России с жалобами по поводу тех способов, коими осуществлялись на практике меры по выдворению китайцев-торговцев из России. В результате чего с августа 1914 г. Министр внутренних дел предписал всем губернаторам и градоначальникам «в целях поддержания добрососедских отношений» с китайской стороной «задержанных китайцев, не подозреваемых в шпионстве, немедленно освободить» и лишь, в крайнем случае, отправлять из России на их родину. Только в 1916 г. согласно постановлению Совета Министров при Министерстве земледелия была образована особая междуведомственная комиссия для разработки проекта мероприятий, направленных

«к обезвреживанию допуска китайцев и корейцев на работы в пределах России и вообще к урегулированию труда желтолицых в Империи» (ГАРФ. ф. 102, оп. 75, д. 10, ч. 7, л. 6).

На рубеже веков в Восточной Сибири, как и в целом по России, стали появляться монополистические тенденции в сфере промышленности и торговли. Причем, порядок устройства промышленных заведений, в отличие от торговых, был обставлен довольно большим количеством стеснительных правил. Примером тому были ст. 69, 264, 265 «Устава о промышленности», некоторые правила из «Устава о прямых налогах» и т.д. Поэтому в конце XIX–начале XX вв., несмотря на изменение характера сибирской торговли и появление большого количества средних и мелких торговцев наиболее доходные отрасли торговли были все же монополизированы. Крупные фирмы жестко расправлялись с конкурентами, примером тому служило разорение и выкуп в 1906 г. дела Товарищества Н.Л. Стахеева Товариществом «Второв и сыновья», после чего последнее монополизировало до 90% торговли мануфактурными товарами в Иркутске.

Необходимо заметить, что местные власти в лице Генерал-губернаторов и Городских Дум развивали активную деятельность по улучшению и усилению контроля за торговлей на местах. Например, в 1901 г. Городская Дума Иркутска учредила торговую полицию «для лучшего наблюдения за ренсковыми погребками, питейными заведениями, правильною гирь и весов» (Романов Н.С. *Летопись г. Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1993. С. 464*). В Красноярске также существовали агенты торговой полиции, которые осуществляли контроль за торговлей в городе. Через торговую полицию городские власти пытались бороться со скупщиками и перекупщиками сельскохозяйственных продуктов. Так, за скуп хлеба было составлено шесть протоколов и по приговору мирового судьи скупщиков оштрафовали на 5–15 р. (*Вести. 1910. № 34. С. 1*) Насколько выгодно было заниматься этим делом, показывало то обстоятельство, что в течение 1910 г. было составлено и направлено в суд 80 протоколов.

В областных и губернских центрах Городские Думы так же пытались разработать собственные правила ведения торгова в черте своего города. Так, в 1902 г. Дума Иркутска издала обязательные постановления о внутреннем распорядке на базарах и рынках, в которых указывались правила ведения документооборота, распределялись места среди торгующих, определялось время работы, степень ответственности торговцев за чистотой на торговых местах и т.д.

Иногда местные власти строили торговую политику исходя из просьб и пожеланий самих торговых людей. Так, мелкие торговцы Красноярска по своему финансовому положению и существованию приравнивались к такого же рода иркутским торговым людям. Очень часто, при наблюдающемся упадке торговли, они вынуждены были перед Красноярским городским управлением ходатайствовать об изменении условий аренды торговых мест на базаре. Интересно, что на Новом базаре Красноярска с 1910 г.

были устроены тепловые деревянные лавки вместо прежних теплушек. Об этом позаботилась Городская Дума и специально созданная для этого комиссия. То есть городские власти принимали меры для обустройства торгового не только для богатых купцов, но и для мелкого предпринимателя.

Часто законы правительства дорабатывались на местах с учетом специфики региона. В декабре 1901 г. вышло обязательное постановление Читинской Городской Думы для местных жителей согласно п. 11 ст. 108 Городового положения 1892 г. и изданное Военным губернатором Забайкальской области на основании ст. 110 того же положения об ограничении времени производства торговли и промыслов в воскресенье и праздничные дни в Чите. Во все эти дни все торговые и промышленные заведения, кроме лавок, торгующих исключительно съестными припасами первой необходимости, и аптек, во все времена года следовало открывать не ранее одного часа пополудни, а закрывать не позднее двух часов пополудни, то есть, торговля в указанные праздничные дни производилась не более одного часа.

За неисполнение изложенных в сем постановлении требований виновные подвергались ответственности по ст. 29 Устава о наказании. Такие ограничения торговли вызывали возмущение, особенно мелких торговцев, не только в Иркутске, но и в Чите. В результате чего мелочные торговцы, работавшие в городах, для того, чтобы сохранить свое торговое дело, часто шли на различные ухищрения, нарушая обязательные постановления местных властей. Например, некоторые торговцы соединяли в одном доме торговую лавку и чайную, тем самым не прекращая мелочную торговлю через чайную, работа которой в праздничные дни была неограниченна. Ярким примером тому был мелкий торговец Енисейска Р.С. Брюханов, который за это неоднократно привлекался полицией к ответственности (*РГИА, ф. 23, оп. 7, д. 506, л. 155–155об.*)

В сложный военный период, когда наблюдалось усиление революционных волнений в регионе, контроль со стороны местных властей за торговыми людьми стал более пристальным. Так, после долгой переписки Иркутского генерал-губернатора А. Пильца с Министром внутренних дел, было издано Обязательное постановление от 2 сентября 1916 г. о воспрещении торговым предприятиям нанимать в качестве служащих лиц, не имеющих права жительства в данной местности, и о вменении тем же управляющим торговых заведений в обязанность сообщать полиции о вновь принятых на службу или на работу людях.

Таким образом, в рассматриваемый период торговые отношения в городах Восточной Сибири находились под жестким контролем государственных органов власти. При этом, нормативное регулирование торговой сферы являлось постоянно изменяющимся и развивающимся процессом, как на общероссийском, так и на региональном уровне. Компенсировать пробелы правового регулирования региональной коммерческой деятельности приходилось городским органам местного самоуправления, которые не только устанавливали правила торгового, вели за ним контроль,

но и регулировали взаимоотношения между торговцами и их служащими, упорядочивая городскую торговлю, причем, с учетом интересов и потребностей населения.

П.А. НОВИКОВ

ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ РУССКОЙ КАВАЛЕРИИ К 1914 г.

В начале XX в. сухопутная армия Российской империи была самой многочисленной в мире. Русская кавалерия подразделялась на регулярную и казачью, занимая 3-е (после пехоты и артиллерии) место среди родов войск. К 1900 г. в кавалерийских частях состояло 80,5 тыс. чел. (*Кавалерия // Большая энциклопедия. Т. 10. СПб., 1903. С. 326*). 65 регулярных полков кавалерии по два сводились в бригады или по три в дивизии, дивизии же по одной включались в армейские корпуса. Четвертыми полками дивизий были казачьи полки 1-й очереди. Германия в 1900 г. имела 93 кавалерийских полка, Австро-Венгрия — 42, Франция — 79 плюс 10 полков африканской кавалерии, Англия — 31, Италия — 24. Таким образом, русская регулярная кавалерия численно уступала германской, но получала определенный перевес за счет казаков. Причем в военное время число казачьих частей утраивалось развертыванием полков 2-й и 3-й очереди. При этом если к 1914 г. в России число регулярных кавалерийских полков выросло до 67, то в Германии до 110 (*Фостен Д., Мэррион Р. Германская армия. 1914–1918. М., 2003. С. 19*). В мирное время Россия содержала 57 казачьих полков, которые как и регулярные кавалерийские, не нуждались в пополнении запасными при мобилизации.

К. Оберучев в 1912 г. писал: «Широкое уже развитие аэропланов и воздушного флота еще более, чем усовершенствование огнестрельного оружия, ослабили значение кавалерии, пожалуй, до несения ординарческой службы и службы связи. Несмотря на это процент кавалерии все же держится на относительной высоте и по мирной организации составляет около 1/10 части пехоты... Даже в учебниках тактики подчеркивается дороговизна содержания и комплектования кавалерии и трудности сохранить ее в военное время» (*Кавалерия: энцикл. словарь института Граната. Т. 23. 11-е изд. С. 23*). На 1912 г. кавалерия составляла: в России — 739 эскадронов и сотен (1 эскадрон на 1,75 батальона пехоты), в Германии — 510 (1 на 1,25), во Франции — 445 (1 на 1,25), в Австро-Венгрии — 252 (1 на 1,8), в Японии — 89 (1 на 2,6).

Отметим, что во многих кампаниях 19 века русская армия сражалась, имея иное соотношение. Так подавлять восстание 1830–1831 гг. в Польше двинулось 172 батальона, 244 эскадрона, 664 орудия, а также 13 казачьих полков. В Закавказье в 1854 г. Александропольский отряд князя Бебутова насчитывал 18 батальонов, 26 эскадронов и 35 сотен при 80 орудиях.